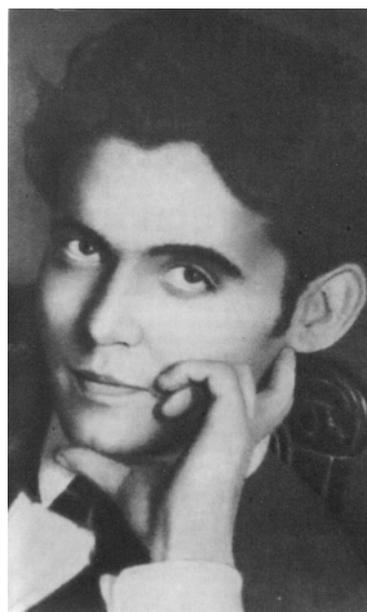
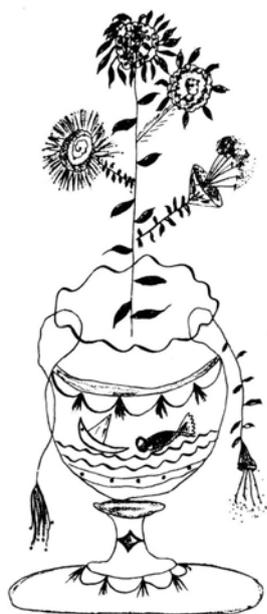

К ЗАВЕРШЕНИЮ ГОДА ИСПАНИИ В РОССИИ

Марина Баланюк
(г. Тула)

«ХРУСТАЛЬНЫЕ БУБНЫ ПЕЧАЛИ...»
К 75-летию гибели выдающегося испанского поэта XX века
Федерико Гарсия Лорки



Federico Garcia Lorca

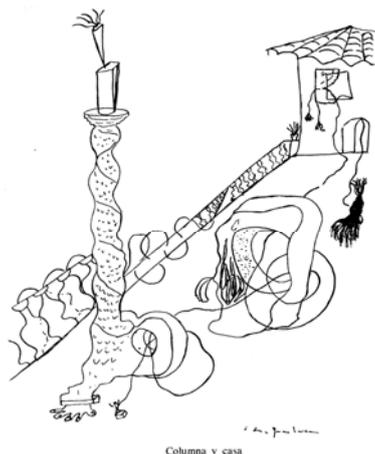
Федерико Гарсия Лорка — выдающийся испанский поэт, драматург, публицист XX века. Родился 5 июня 1898 года в селении Пастуший ключ, недалеко от Гранады. Расстрелян фалангистами 19 августа 1936 года по дороге Визнар-Альфакар ровно через месяц после начала братоубийственной войны, навязанной испанскому народу франкизмом. Продолжатель крупнейшего и оригинальнейшего представителя испанского барокко в поэзии Луиса де Гонгора и Арготе (1561—1627).

POEMA DE LA SOLEA

PUEBLO

Sobre el monte pelado
un calvario.
Agua clara
y olivos centenarios.
Por las callejas
hombres embozados,
y en las torres
veletas girando.
Eternamente
girando.
¡Oh pueblo perdido
en la Andalucía de llanto!

1921 г.



Колонна и дом.
Рисунок Ф. Гарсиа Лорки

ПОЭМА О СОЛЕА

СЕЛЕНЬЕ

На темени горном,
на темени голом —
часовня.
В жемчужные воды
столетние никнут
маслины.
Расходятся люди в плащах,
а на башне
вращается флюгер.
Вращается денно,
вращается ночью,
вращается вечно.

О, где-то затерянное селенье
в моей Андалузии
слезной...

(Перевод М. Цветаевой)

ROMANCERO GITANO ROMANCE SONAMBULO

Verde que te quiero verde.
Verde viento. Verdes ramas.
Ei barco sobre la mar
y el caballo en la montaña.
Con la sombra en la cintura
ella sueña en su baranda,
verde carne, pelo verde,
con ojos de fría plata.
Verde que te quiero verde.
Bajo la luna gitana,
las cosas la están mirando
y ella no puede mirarlas.

ЦЫГАНСКОЕ РОМАНСЕРО СОМНАМБУЛИЧЕСКИЙ РОМАНС

Люблю тебя в зелень одетой.
И ветер зелен. И листья.
Корабль на зеленом море,
и конь на горе лесистой.
До пояса в темноте,
мечтает она у ограды,
и зелены волосы, тело,
глаза серебра прохладней.
Люблю тебя в зелень одетой.
Цыганский месяц тревожен.
Глядят на нее предметы,
она их видеть не может.

*

Verde que te quiero verde.
Grandes estrellas de escarcha,
vienen con el pez de sombra
que abre el camino del alba.
La higuera frota su viento
con la lija de sus ramas,
y el monte, gato garduño,
eriza sus pitas agrias.
¿Pero quién vendrá? ¿Y por dónde...?
Ella sigue en su baranda,
verde carne, pelo verde,
soñando en la mar amarga.

*

Compadre, quiero cambiar
mi caballo por su casa,
mi montura por su espejo,
mi cuchillo por su manta.
Compadre, vengo sangrando,
desde los puertos de Cabra.
Si yo pudiera, mocito,
ese trato se cerraba.
Pero yo ya no soy yo.
Ni mi casa es ya mi casa.
Compadre, quiero morir
decentemente en mi cama.
De acero, si puede ser,
con las sábanas de holanda.
¿No veis la herida que tengo
desde el pecho a la garganta?
Trescientas rosas morenas
lleva tu pechera blanca.
Tu sangre rezuma y huele
alrededor de tu faja.
Pero yo ya no soy yo.
Ni mi casa es ya mi casa.
Dejadme subir al menos
hasta las altas barandas,
¡dejadme subir!, dejadme
hasta las verdes barandas.
Barandales de la luna
por donde retumba el agua.

*

Ya suben los dos compadres
hacia las altas barandas.
Dejando un rastro de sangre.
Dejando un rastro de lágrimas.
Temblaban en los tejados
farolillos de hojalata.
Mil panderos de cristal,
herían la madrugada.

*

Люблю тебя в зелень одетой.
Как звезды, иней сияет,
как рыба — потемки скользки,
дорогу заре открывая.
Смоковница трется о ветер,
как лапой, веткой шершавой,
гора — дикобраз огромный —
щетинится каждой агавой.
Но кто же придет? И откуда?..
Она все стоит у забора,
и зелены волосы, тело,
и видит горькое море.

*

— Сосед, на ее каморку
коня своего я сменял бы,
на зеркало — сбрую с седлом,
мой нож — на ее одеяло.
Сосед, я пришел весь в крови
из Кабры, с гор, с перевала.
— Будь воля моя, паренек,
давно состоялась бы мена.
Но я-то уже не я,
и не мои эти стены.
— Сосед, я хочу умереть
в своей кровати, как должно:
на прутьях стальных с простынями
голландскими, если можно.
Ты разве не видишь, что рана
раскрыла мне грудь до горла?
— На белой груди твоей
три сотни розанов черных.
Сочится и пахнет кровь,
кушак твой весь в красной пене.
Но я-то уже не я,
и не мои эти стены.
— Так дай мне, по крайней мере,
подняться к высокой ограде!
О, дайте, дайте подняться
к зеленой лунной ограде!
За нею вода грохочет,
там воду всегда лихорадит.

*

И вот к высокой ограде
подходят оба соседа.
И кровь по следу сочится.
И льются слезы по следу. Фонарики
жестяные
на черепицах мерцали,
и ранили раннее утро
хрустальные бубны печали.

*

Verde que te quiero verde,
verde viento, verdes ramas.
Los dos compadres subieron.
El largo viento, dejaba
en la boca un raro gusto
de hiél, de menta y de albahaca.
¡Compadre! ¿Dónde está, dime?
¿Dónde está tu niña amarga?
¡Cuántas veces te esperó!
¡Cuántas veces te esperara,
cara fresca, negro pelo,
en esta verde baranda!

*

Sobre el rostro del aljibe,
se mecía la gitana.
Verde carne, pelo verde,
con ojos de fría plata.
Un carámbano de luna
la sostiene sobre el agua.
La noche se puso íntima
como una pequeña plaza.
Guardias civiles borrachos
en la puerta golpeaban.
Verde que te quiero verde.
Verde viento. Verdes ramas.
El barco sobre la mar.
Y el caballo en la montaña.

(1924—1927)

*

Люблю тебя в зелень одетой.
И ветер зелен. И листья.
И вот добрались соседи.
А ветер с горы лесистой
во рту оставляет привкус
полыни и ягоды волчьей.
— Сосед! Но где ж твоя дочка,
что горше мяты и желчи?
Я ждал ее столько раз!
Я ждал, и касалась прохлады
лица и черных волос
у этой зеленой ограды.

*

Покачивалась цыганка
в бассейне на водной глади.
Зеленые волосы, тело,
глаза серебра прохладней.
И лунная льдинка ее
поддерживает над волнами.
А ночь уютна, как площадь,
зажатая между домами.
Гвардейцы гражданские спяна
стучали в дверь кулаками.
Люблю тебя в зелень одетой.
И ветер зелен. И листья.
Корабль на зеленом море,
и конь на горе лесистой.

(Перевод О. Савича)

* * *

Над безвестными мертвыми, над человеческим одиночеством, над всей трагической землей Андалусии звонят колокола рассвета, и как эхо последнего удара снова оживают в памяти слова:

*О, где-то затерянное селенье
в моей Андалусии
слезной...*

(Перевод М. Цветаевой)

Творчество Федерико Гарсиа Лорки — редкий пример создания цельного поэтического мира. Есть великие поэты, которые полнее и богаче отзывались на каждое движение природы и человеческой души, всякий раз находя новый и точный звук. Мир Лорки иной. В нем нет такого разнообразия, но нет и фрагментарности, он логически завершен и подчинен таким же строгим внутренним законам, как законы природы; это свободная и причудливая логика сказки. Творение человеческого духа, этот мир покоится на таком подлинном и глубоком знании, что он реален и осязаем для нас. Мы знаем, как в этом мире пахнут цветы и текут воды, как любят и как умирают в нем люди. Прекрасная и свободная человеческая страсть восстает и торжествует

над насилием, реки оплакивают павших, и лунный сумрак легенды смягчает резкие и страшные черты смерти. Такое единство элементов, слагающих поэтический мир,— свидетельство высшей творческой мощи.

Образцом такого единства служит лучшая, может быть, поэтическая книга Лорки «Цыганский романсеро» — грандиозная ночная панорама, магическое зеркало, в котором отразился прекрасный и скорбный лик Андалусии.

Романс — едва ли не самая исконная форма испанской поэзии, и прежде всего народной. Романсы — народные баллады о королях и маврах, рыцарях и пастухах, о любви и о смерти — живы донныне; и сейчас можно услышать, как дети, играя на деревенской площади, поют о несчастном короле Родриго, который потерял Испанию. Романсы поются, и в этих напевах, протяжных, тоскливых и завораживающих, слышится печальное эхо мавританских мелодий. Испанские поэты, большие и малые, неоднократно прибегали к романсу, но только Лорка по-настоящему обновил его древние формы. Он создал свой, совершенно новый тип романса, заменив традиционную повествовательную манеру ярким динамическим действием, где причудливо сплетаются реальное и колдовское, обыденное и сказочное.

Уже в самом названии — «Цыганский романсеро» — таится та же грустная поэтическая ирония, которая заключена в рыцарском титуле «Дон-Кихот Ламанчский». В «Цыганском романсеро» нет ни королей, ни рыцарей, ни старинных преданий, и если пристально взглядеться, сквозь образную ткань легко различаются реальные черты яркого и горького быта нищих андалусских селений. Это подлинная жизнь, но приподнятая гением Лорки до поэтических высот легенды.

Многие романсы связаны с именем Антонио Торреса из прославленного в Андалусии цыганского рода Камборьо. Есть версия, что Антонио Торрес Эредия действительно существовал и был другом Лорки,— версия, возможно, и недостоверная, но достоверно известна народная песня о том, как Антонио Эредия с веточкой ивы спускался к реке, и как выпала из мертвых рук веточка ивы, и Антонио не стало. Герой цыганского романсеро, воплощение мужественной красоты, Антонио Торрес Эредия, преследуемый и свободный, бесстрашный и обреченный человек, у которого смутные отношения с небом и скверные с властями,— это тот самый бессмертный удалец, которого под разными именами воспевают и оплакивают песни всех народов мира. Этому народному герою и отдает Лорка всю нетленность и полноту своего поэтического голоса.

Одна из чарующих особенностей цыганского романса Лорки — его недосказанность. Она делает романс таинственным, но есть здесь и нечто большее. Это вообще один из поэтических принципов Лорки. Стихотворная ткань романса похожа на музыкальное сопровождение какой-то смутно проступающей трагедии, и именно это заставляет нас, читая, в какой-то мере делаться поэтами. Яркие, цветные аккорды властно направляют наше воображение, и, подчиняясь их ритму и краскам, мы сами, с известной свободой, конструируем сюжет. Таков, например, лучший, может быть, из цыганских романсов — «Сомнамбулический романс».

Поэзию Федерико Гарсиа Лорки трудно анализировать — у него нет приемов. Некоторые его стихи — «Ампаро», «Девушке», «Это правда» — созданы будтодыханием, почти без слов. В одной народной севильяне поется, как спущенные на воду барки покидают Севилью, и весла, коснувшись воды, внезапно одеваются зеленью. Здесь снова в волшебном зеркале андалусского воображения свежие, пахнущие смолой весла и зеленые брызги, дрожащие на них, как молодая листва, перевоплощаются в «маленький миф» о неумирающей природе. Такова поэзия Лорки — движение и зеленый ветер весны. Ее обаяние — это обаяние юности.

Федерико Гарсиа Лорка родился 5 июня 1898 года, но по семейной традиции день своего рождения он всегда праздновал в июле, в день святого Федерико. И в роковое лето 1936 года фашистский мятеж застал его на родине, в Гранаде; ему исполнилось

тридцать восемь лет. То была пора его расцвета. Последние литературные недруги, отчаявшись нацепить на него какой-либо окончательный ярлык, один за другим смолкали: его поэзия лилась и ломала все искусственные плотины литературоведческих схем; каждая новая вещь была новой, высшей ступенью, и трудно вообразить, к каким вершинам вводила эта лестница. В то лето 1936 года он завершал книгу стихов «Сонеты сумрачной любви» — по отзывам современников, лучшее из написанного им; рукопись эта погибла. Созревали замыслы по меньшей мере трех пьес: одна из них — снова о судьбе женщины в андалусских селениях, о девушке, красота которой стала ее проклятием и обрекла ее на одиночество, — в чем-то, видимо, перекликалась с шедевром Лорки, трагедией «Йерма» (1934); вторая пьеса — о революции. В мировой культуре рождалось новое явление — театр Лорки; поэт, создавший в наши дни образцы высокой трагедии, мог стать величайшим драматургом двадцатого столетия.

В ночь на 19 августа Федерико Гарсиа Лорка был вывезен из Гранады и на рассвете расстрелян.

Весть о его смерти показалась невероятной, ходили даже слухи, что убит не Лорка, а другой поэт-андалусец — коммунист Рафаэль Альберти. В гибель Лорки не верили и потому, что она так не вязалась со всем его обликом, и потому, что он, в общем, стоял в стороне от политической борьбы. Многие даже близкие ему люди были уверены, что, по крайней мере, жизни его опасность не угрожает. Однако сам Гарсиа Лорка был прозорливей друзей; его не покидало предчувствие неизбежной гибели. Однажды, еще в Мадриде, он вернулся с митинга очень взволнованным и рассказал, что в толпе заметил человека, который в него целился. Лорку стали успокаивать. Какие у него могут быть враги, да и как можно разглядеть, в кого именно целились из толпы? Но Федерико качал головой: «Он целился в меня!» Это не был просто страх смерти. Лорка не раз говорил: «Как не заботился я о собственном рождении, так же не заботит меня и собственная смерть». Скорее, это было доведенное до физического ощущение смертельной опасности, нависшей над всеми. Гарсиа Лорке не пришлось извне прокладывать путь к своему народу; выросший в деревне, подобно Сергею Есенину, он чувствовал себя волной народного моря. Поэтому он был уверен, что пули, нацеленные в народ, его не минуют. Лорка действительно не входил ни в одну политическую партию, но твердо заявил, что причисляет себя к «партии бедняков», и говорил, что не рожден борцом, но сам был им. В 1936 году он участвовал в работе Мадридского союза антифашистской интеллигенции, созданного Рафаэлем Альберти. Лорка написал стихи о ночных призраках андалусских дорог — об испанской жандармерии. Жандармы не читают стихов, но эти стихи они знали: то был образ Дантовой силы, и смыть такие строки невозможно было даже кровью поэта.

На смерть Гарсиа Лорки уже наброшен покров легенды — народное сознание не мирится с бессмысленностью гибели дорогих людей. В этой легенде Лорка перед смертью импровизирует стихи, иногда приводятся и сами строки — в них как в большинстве его стихов, есть луна и смерть.

В действительности все было просто и страшно. За последние годы тайна, окружавшая обстоятельства убийства, прояснилась; палачи стали словоохотливей и, наверное, станут еще словоохотливей: причастность к смерти великого человека — тоже своего рода шанс попасть в историю.

После захвата фашистами власти в Гранаде, владельцев автомашин обязали возить заключенных к месту казни. Один из них вез Лорку, его рассказ пока наиболее достоверное из того, что известно о гибели поэта.

В ночь на 19 августа Лорка был выведен из одиночной камеры и посажен в машину вместе с другим заключенным, стариком, имя которого осталось неизвестным. В машине было трое фалангистов. Отъехав от Гранады, они остановились в маленьком селении — дожидаться рассвета; по старой и во всех отношениях удобной тра-

диции расстреливают всегда на рассвете. Гарсиа Лорка ничего не подозревал: заключенным сказали, что их отправляют в лагерь. На деревенской площади с неизменным фонтаном было пусто; вокруг этого фонтана они и прогуливались в ожидании утра, все вместе — палачи и жертвы. Лорка был оживлен: он истосковался в камере и опьянел от ночного воздуха, пения цикад, от теплой уличной пыли. И, кроме того, рядом были люди — какие ни на есть, но люди. Он говорил о театре. В последние годы он бредил театром. Теперь он говорил о том, что в лагере хочет создать небольшую труппу из заключенных и, может быть, поставит свою пьесу. Фалангисты молча курили, и в темноте не видно было их лиц. Потом стало светать, они выехали из селения и остановились где-то на дороге. Первым увели старика. Лорка по-прежнему ничего не подозревал; только когда раздались выстрелы, он замолчал.

Он не хотел умирать. С трудом удалось оторвать его руки от борта машины; он плакал. Его хрупкое тело упорно сопротивлялось смерти, и после нескольких пуль он все еще пытался встать. Тогда один из фалангистов ногой придавил его к земле и выстрелил в лицо. Могила Лорки неизвестна.

А всего за какие-нибудь три-четыре месяца до этого поэт Хорхе Гильен говорил его отцу: «Если будет переворот и уцелеет один-единственный испанец, это будет Федерико». Трагическая ирония — так это называлось в античной драме.

Знали ли фалангисты подлинную цену человеку, которого убили? Для скудоумного гранадского мещанства, не шевельнувшего пальцем, чтобы спасти гордость Гранады, он был просто столичный поэт, «красный», ненавистный вдвойне, — человек из одного с ними города и совсем из другого мира. Но главари фаланги, отдавшие приказ о его убийстве, были, что называется, образованными людьми. По странной игре природы, Франсиско Франко не чурается изящной словесности — его перу принадлежит вполне добротный нацистский опус, киносценарий «Раса» (пышно и безуспешно экранизированный).

Гарсиа Лорка был только одной из первых жертв, но далеко не единственной.

А. Гелескул. Из предисловия к книге : Федерико Гарсиа Лорка. — М.: Художественная литература, 1966, с. 15—21.

Литература:

1. *Федерико Гарсиа Лорка*. Театр. — М.: Искусство, 1957.
2. *Федерико Гарсиа Лорка*. Лирика. — М.: Художественная литература, 1966. Предисловие А. Гелескула.
3. *Федерико Гарсиа Лорка*. Избранное. Поэзия. Проза. Театр. — М.: Институт ДИ-ДИК, издательство АСТ, 2000.
4. *Франсиско Гарсиа Лорка*. Федерико и его мир. Перевод с испанского под ред. Н. Малиновской. — М.: Радуга, 1987. (Francisco Garcia Lorca. Federico y su mundo. — Madrid: Alianza Editorial, 1981.)
5. *Федерико Гарсиа Лорка*. Избранные произведения в двух томах. Т. I, Т. 2. — М.: Художественная литература, 1975.
6. *Федерико Гарсиа Лорка*. Избранное. — М.: Просвещение, 1986.
7. *Федерико Гарсиа Лорка*. Избранное: стихи, статьи. — М.: Московский рабочий, 1983.
8. *Федерико Гарсиа Лорка (1898—1936)*. Библиографический указатель, вст. З. И. Плавкина. — М.: Книга, 1971.
9. *Вайсборд Мирон Абрамович*. Федерико Гарсиа Лорка — музыкант. — М.: Советский композитор, 1970.
10. *Федерико Гарсиа Лорка*. Самая печальная радость: Художественная публицистика. Пер. с испанского / Сост., авт. Предисл. и комментарии Н. Малиновская. — М.: Прогресс, 1987. Однотомник прозы Ф. Гарсиа Лорки (1896—1936) приурочен к 50-летию гражданской войны в Испании, когда трагически оборвалась жизнь выдающегося испанского поэта, драматурга, художника. На его родине 1986 г. объявлен «годом Лорки».
11. *Федерико Гарсиа Лорка*. Избранное. На испанском языке. — М.: Прогресс, 1979.
12. *Филиппова О. Н., Павон М. С., Разыграева Л. И.* Испанско-русский и русско-испанский словарь — М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1962.

Публикация подготовлена М. Баланюк